

Марина
Штайнбахер

ПРОКЛЯТИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Штайнбахер

Проклятие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68304427

SelfPub; 2023

Аннотация

После того, как сумасшедшая старуха произносит в зале суда заговор-проклятие, в жизни Ленки, секретаря суда, начинают происходить странные пугающие события. Узнав о несчастном случае с одной из участниц событий, Ленка понимает, что её жизни грозит опасность от потустороннего существа, "беса", которого старуха натравила на неё. Сможет ли она спастись? Содержит нецензурную брань.

Марина Штайнбахер

Проклятие

Последний этот рабочий день перед чередой выходных выдался особенно хмурым и слякотным. В длинных, плохо освещённых коридорах районного суда висела тяжёлая тревожная муть. Посетители сидели вдоль стен молча, сгорбившись, вздрагивая от каждого стука дверей, поворачивая голову в сторону звука, и снова, как будто с облегчением, отворачивались. Хорошо хоть дел к слушанию было назначено немного: два развода и одно выселение из служебного жилья старухи-дворничихи. Старуха давно уже была из дворников уволена, но маленькую квартирку освобождать не желала, аргументируя тем, что идти ей некуда и государство должно обеспечить её жильём за годы тяжёлого труда. Сгорбленная ветхая бабка со скрюченными артритом пальцами и трескучим голосом вызывала у Ленки презрительную жалость. Шансов у бабки против государства не было, это Ленка, год как работавшая секретарём судебного заседания, могла заявить со всей ответственностью. Уже выступил перед народным судьёй юрист жилищного объединения, зачитав длинный перечень статей и разъяснений. Уже допросили свидетеля, директора жилконторы, который подтвердил, что государственная квартира предоставлялась бабке только на время работы. Уже всем было заранее, слово в слово, известно

решение судьи, но бабка всё не успокаивалась, перебивала юриста, причитала, просила слово и брюзжала и брюзжала без конца, вызывая гримасу раздражения на красивом лице судьи и заставляя Ленку вздыхать и ёрзать, думая о том, что вот ещё немного и обед закончится и она ни покурить, ни перекусить, ни даже Игорьку позвонить не успеет...

– В деле заявлены свидетели, – нахмурилась судья, вглядываясь в мелкую писанину, – где они? Почему не явились?

Директор жилконторы крикнул и замотал головой, юрист нервно зашаркал под столом ногами, опустив голову в какие-то свои бумажки.

– Я вас спрашиваю, истцы, отвечайте суду, – повысила голос красивая Светлана Юрьевна, обращаясь к представителям жилищной организации.

– Так это.. бояться они, – смущённо поднялся директор, – мол, ещё порчу наведёт. Или проклянёт.

– Кто? – не поняла судья.

– Так вот эта, – директор неуверенно кивнул в сторону бабки.

– Боятся, – хрипло захихикала бабка, – боятся, а сами хооодют, хооодют, – и зачастила скороговоркой, – Сглаз ложу-снимаю, судьбу пытаю, проклятие родовое аль случайное, заговор на везенье, на венец, на отсушку..

Светлана Юрьевна закатила глаза, изобразив лицом крайнюю степень скептицизма.

– Понятно. Ну, что ж, пояснения свидетелей в деле име-

ются, суду всё ясно. Прошу всех встать для оглашения судебного решения.

Люди встали, зашаркали, задвигали стульями. Дождавшись тишины, судья объявила: «Именем народной республики, заслушав свидетеля.. изучив материалы, суд постановил! Ответчицу! На основании статьи двадцать пункт двадцать, а также статьи двадцать.. незаконно используемое помещение освободить в течение пятнадцати дней! В случае неисполнения..принудительно выселить...направить судебным исполнителям... может быть обжаловано в вышестоящую судебную инстанцию! Решение суда понятно?»

«Понятно, понятно..», – закивали директор с юристом, усаживаясь обратно.

«Как, что? -вертелась в разные стороны бабка, беспомощно поводя вокруг себя руками, как будто пытаешься что-то нащупать.

– Решение будет выслано сторонам в течение..., – начала судья

– Ыыыы, – неожиданным басом завывла бабка, поднимаясь со стула, – Проклятие тебе! – хрипло выкрикнула она, – Проклятие вам всем, нечистые, дьяволы окаянные! Проклятие вам, бесы смердящие! Смердящие!

Платок у трясущейся бабки сбился на бок, седые лохмы падали на лицо, она внезапно скрестила указательные пальцы обеих рук и, выставив их таким образом перед собой, начала водить этим крестом в сторону судьи и Ленки, пригова-

ривая скрипучим прерывающимся шёпотом: «Стану я, по-
молясь, пойду перекрестясь.. как скрывает тень бесов полу-
денных, так падёт проклятие моё ... подите демоны злобные,
чёрные, нелюдимые с полудемонами своими ... как я порог
переступлю... так не будет вам покоя вовек!»»

– Прекратить! – судья в какой-то испуганной ярости за-
стучала молотком, – Прекратить! Охрана! Выведите! Нару-
шение порядка! ..заседания!

– Огнём и водой! Огнём и водой проклиная вас, – хрип-
ло каркала бабка, поворачиваясь справа-налево и обратно, –
огнём и водой!

Очнувшись, директор ЖЭКа схватил бабку за руку, но она
с неожиданной силой оттолкнула его и, косматая, трясущая-
ся, протянув руку в сторону судьи и Ленки, хрипло проши-
пела: «Не будет вам житья! Беса я за вами послала! Бес за
вами идёт!» После этого бабка смачно сплюнула на пол, на-
ступила на плевок, развернулась на нём и, отпихнув всё еще
пытавшегося её ухватить директора, с неожиданной резво-
стью выскочила из кабинета.

Несколько секунд в кабинете было абсолютно тихо.

Директор уселся, покряхтывая и вытирая платком лыси-
ну. Юрист, бледный, в оцепенении скручивал трубочкой бу-
маги. В этой тишине Ленка услышала, как где-то внутри неё,
не то в висках, не то в горле, обезумевшей птицей бьётся,
выпрыгивает сердце.

– Заседание окончено, – деревянным голосом произнесла

судья, – освободите помещение, – и, после небольшой паузы, – Все свободны, включая секретаря. Лена, Вы свободны.

–А? –Ленка очнулась, принялась суетливо собирать разбросанные по столу листы протокола судебного заседания, непослушными пальцами порезалась об острый край бумаги и, растерявшись, размазала по протоколу ярко красную кровавую полосу, – Ой! Я перепишу, я уберу.., – запричитала Ленка, глядя в застывшее лицо судьи и, вспыхнув, на подгибающихся ногах выскочила из кабинета.

...Заседания по разводам судья, после перенесённого стресса, отложила, милостиво отпустив Ленку домой, и сама, видимо, не собираясь задерживаться на работе перед чередой выходных. На следующий вторник выпадал национальный праздник, так что все четыре дня, начиная с субботы и по праздничный день включительно были официально объявлены нерабочими, дабы граждане вволю отдохнули и отпраздновали. «Круто, четыре дня свободы, хоть отосплюсь, как человек, – Ленка семенила под мерзким колючим дождём, спотыкаясь и цепляясь каблуками за неровную мостовую. Зонт она, конечно, забыла дома, – Игорька позову, лишь бы он не в рейсе, а если в рейсе -Малиновскую приглашу, шампусика возьмём. Надо, кстати, в магаз зайти, сигареты кончились». С Малиновской они сошлись по работе. Обе вчерашние студентки, ровесницы, у обоих первая работа по юридической линии и активная личная жизнь с невзрачными результатами при очень смутных представлениях о ка-

рьере. Все предпосылки для крепкой женской дружбы. На скромную секретарскую зарплату не разгуляешься и Ленка взяла две бутылки «Советского шампанского», справедливо рассудив, что на первое время хватит, да ещё так, по мелочи прикупила – кусок докторской колбасы, шоколадного печенья и макарон. Впереди выходные как-никак. Впрочем, если замаячит призрак голодной смерти, можно и к матери с дядь Витей заехать. Не хочется, конечно, опять ведь будут зазывать обратно, если узнают о финансовых трудностях. Ладно, там видно будет, дома, ещё, вроде как, картошка была. На выходе из магазина Ленка с разбегу налетела на неизвестно откуда взявшегося нищего, пристроившегося прямо перед дверью. «Охренели» – буркнула Ленка, пытаясь обогнуть препятствие, но нищий с неожиданной силой схватил её за подол пуховика и глухо замычал: «Ы-ы-ыуу. Уа!». Ленка очумело шарахнулась, дёрнула край пуховика, но нищий держал крепко и всё тянул в свою сторону. Внезапно он широко оскалится беззубым чёрным ртом и забормотал сиплым прерывистым речитативом: «Бес.. бес.. полубес.. из ямы да в лес идёт за тобой бес... идёт..уже здесь за тобой бес», тут же поперхнулся, закашлялся и выпустил подол. Потеряв опору Ленка шлёпнулась на грязный мокрый асфальт, инстинктивно подставив ладонь. Грустно звякнуло шампанское в сумке и Ленка, всхлипнув, на подгибающихся ногах припустила изо всех сил домой.

...С трудом попав дрожащим ключом в замок, Ленка вва-

лилась в квартиру, с грохотом захлопнув за собой дверь. Здесь, наконец, она выдохнула, выронила сумку на пол и грузно осела на тумбочку в прихожей, то и дело убирая с лица непослушные спутавшиеся волосы. Потихоньку дыхание выровнялось и Ленка не без труда стянула неудобные сапоги. Что ж за день-то сегодня! Как будто одной бабки мало, ещё один полоумный на её голову! И тоже, вы посмотрите, то хрипит, то стихи декламирует. Колдуны ненормальные. Да пошли вы все! Вздохнув, Ленка зашла в ванну, промыть ссадину на руке и вытереть потёкшую вокруг глаз тушь. Господи, видок как у утопленницы! И цвет лица какой-то зелёный. Или здесь освещение такое? Однако, что за чёрт, чем это воняет? Принюхавшись, Ленка почувствовала в атмосфере ванной мерзкий гнилостно-тухлый запах. Так пах Снежок в последние дни своей болезни, когда он уже не вставал даже за едой; так воняло рядом с гробом в день бабулиных похорон. «Что за фигня, трубы что ли?» – вслух возмутилась Ленка и наклонилась к умывальнику, принюхиваясь. Обнюхивание умывальника, а затем ванны ситуацию не прояснили, вонь исходила как будто бы отовсюду. Рассудив, что надо бы насчёт запаха пожаловаться матери с дядь Витей и, закрыв тем самым для себя проблему, Ленка потащилась на кухню.

Уютная однокомнатная квартирка досталась Ленке по наследству от бабушки. Вернее, досталась-то она матери и пока Ленка училась на юридическом, сдавалась в аренду, обеспе-

чивая Ленке с матерью хоть и жиденькие, но постоянные денежные поступления. А уж после того, как Ленка отучилась на юридическом и устроилась на работу в суд, решено было, что она достаточно взрослая, чтобы жить отдельно. Ленка, конечно, подозревала, что отправили её на самостоятельные хлеба ещё и ввиду появления в материной жизни дяди Вити, но, так или иначе, одной жить куда как кайфовее. К тому же дядь Витя сварганил в бабулиной квартирке косметический ремонт, покрасил стены на кухне, а в ванной поменял плитку и установил натяжной потолок. И всё сам, с друзьями. Всё-таки хорошего мужика мать отхватила, рукастого. Могло быть и хуже, чего уж там. На кухне Ленка нашла завёрнутую в полотенце кастрюльку с котлетками и маринованные огурцы в холодильнике, а на столе записку от матери, что они-де с дядь Витей уехали в деревню, а по возвращении заскочат по дороге к Ленке, отсыпят ей на прокорм деревенских даров природы, а пока пусть доча кушает котлетки и ведёт себя хорошо. Весьма кстати, Ленкиной зарплаты оставалось на пару пачек «Ролтона», а потом хоть подоконник грызи. Обрадованная неожиданным продуктовым подношением, Ленка, отправилась звонить Игорьку. Надо было срочно поделиться пережитым.

Хрустя солёным огурчиком и слушая гудки в трубке, Ленка прошла в прихожую и нагнулась за сумкой. И застыла. Стоп, как он сказал? Бес за тобой идёт? Да ведь бабка то же самое сказала, нет? Тоже какую-то рифмованную чушь нес-

ла. Как это у них называется? Заговор? Два человека подряд заявили, что за Ленкой чёрт идёт. Да нет, чушь это, совпадение. Может, слышалось? Может не «бес», а .. а что это может быть?..бес..бес.. Собес? Может он собес искал, пенсию хотел получить в органах социального обеспечения, в собесе то есть! Ленка знала, что старые люди пользуются этим словом, бабушка так и говорила, например, пойду, мол, в рай-собес. Ну, точно. Ленка облегчённо схватила сумку и выпрямилась. И тут же снова выронила. Напротив себя, но слегка правее, там, где ещё недавно была стена, она увидела ещё один вход на кухню, точно такой же, какой был с другой стороны. В этой ненастоящей кухне виднелся такой же, накрытый жёлтой клеёнкой стол, на стене белела такая же плитка, а за окном светилось такой же формы окно. Ленка почувствовала, как в животе что-то скрутилось узлом, она замерла, не дыша и вдруг услышала какой-то писк. «А!», – Ленка внезапно поняла, что этот звук исходил из её собственного сведённого спазмом горла. Она сделала шаг вправо и назад, отступая к родной кухоньке, оставшейся за спиной. В этот момент Ленкина нога поехала вперёд, поскользнувшись на мокрой луже, натёкшей с брошенного в углу пуховика, и, падая на пол, взмахнув руками Ленка увидела как перед ненастоящей кухней произошло какое-то движение, потом что-то прыгнуло вниз (или вверх?), после чего вторая Ленкина нога ударилась о что-то невидимое твёрдое и ненастоящая кухня с грохотом упала вниз, рядом с Ленкой, обнажив бордовые обои

на стене. «Твою мать!»— заорала Ленка, сразу вспомнив, что ещё вчера сняла здоровое зеркало со стены в зале и притащила в прихожую, чтобы видеть себя в верхней одежде в полный рост перед выходом из дома. А поскольку повесить зеркало было не на что, Ленка просто прислонила его к стене. Да ещё хорошо, что из-за тумбочки зеркало пришлось установить немного боком, в результате чего оно свалилось не на Ленку, а справа от неё, в коридорчик, ведущий к кухне. Однако, из-за такого бокового расположения Ленка своего отражения в зеркале-то и не увидела, в течение нескольких секунд пребывая в уверенности, что в стене образовался портал в другую такую же кухню. «Твою мать!»— проорала Ленка опять, осознав, что произошло. «Блиин», – прошептала она вслед за тем, осознав, что могло бы произойти, упави зеркало на неё. Встав на четвереньки, дрожащими руками Ленка приподняла здоровое икеевское зеркало. Ну, так и есть, разбилось, трещины по всей поверхности. Что ж делать? Так и оставить? Да, и чёрт с ним, пусть лежит до приезда матери с дядь Витей. И вчера-то еле дотащила, чуть не уронила десять раз. И зачем, спрашивается? Зеркало было жалко. «Чёрт, чёрт, чёрт! – выкрикнула Ленка в сердцах и вдруг закрыла себе рот руками, а потом несколько раз нервно перекрестилась, – прости меня, Господи! Господи, прости!».

Немного успокоившись, Ленка начала шарить вокруг себя в поисках телефона. Набрала номер и опять выслушала гудки. Игорёк, непростая Ленкина любовь, трубку не брал. Или в

рейсе – а значит, за рулём. Или где угодно ещё – а значит, игнорирует. Ну, и пошёл он тогда, обойдёмся без него! Позволила Малиновской, снова прослушала гудки. Тогда вздохнув, Ленка подобрала огрызок маринованного огурца и пошла в ванную за тряпкой, чтобы вытереть пол в прихожей от натёкшей воды. А то опять ещё поскользнёшься, костей не соберёшь. Открыв дверь и с отвращением снова ощутив мерзкий тухлый запах, Ленка щёлкнула выключателем. Ничего. Щёлкнула ещё раз. И ещё раз. И вдруг защёлкала туда-сюда быстро-быстро. Остановилась, тяжело дыша. Опять нажала на выключатель – ничего. Свет в ванной не зажегся. Ленка выскочила назад в прихожую, в кухню, пощёлкала выключателями. Свет был. В туалете (к счастью, отдельном) – тоже был. А в ванной не было. Пропал свет. И запах гнили как будто усилился. «Мамочки, мамочки», – запричитала Ленка. Точно – мамочка! Надо звонить мамочке-роднучке, пусть приедет срочно, заберёт свою дочечку. Ленка судорожно нашла номер, нажала кнопку и ...прослушала сообщение «..на вашем счету недостаточно средств.. пополните баланс..». «Блин, блин, блин!– Ленка затрясла телефоном, – суки, суки, суки!». Упав на диван, она расплакалась горько и безутешно как в детстве, жалея себя и свою незавидную судьбу. Поплавав, и устав, наконец, от слёз и от всех злоключений сегодняшнего дня, она задремала, укрывшись пледом и положив голову на большого плюшевого медведя, безучастно смотревшего в потолок большими остановивши-

мися глазами-пуговицами.

Проснулась Ленка от странного звука. В квартире уже было темно, мышцы затекли от неудобной позы и тяжело было открыть глаза. И думать тоже было тяжело, мысли как будто доносились сквозь вату. Где-то рядом послышался шорох. «Игорь?» – вяло подумалось Ленке. В прихожей что-то легонько поскрипывало и похрустывало, как будто кто-то осторожно ступал по пенопласту или по битому стеклу. «Стекло! – пронеслось в Ленкиной голове, – Зеркало разбилось!». Тут же вспомнилось, что Игоря нет и, вообще, никого нет. Она одна – в пустой квартире. Ленка замерла, прижимая к груди тонкий ненадёжный плед и слушая как бешено стучит пульс в висках. Потрескивание в прихожей исчезло так же внезапно, как и появилось, но Ленка продолжала сидеть, не замечая неудобной позы, вглядываясь в темноту, каждую секунду ожидая, что её выдаст стук собственного сердца. Ленка не отдавала себе отчёта в том, сколько же она так просидела, но, в какой-то момент снова попытавшись подняться, опять услышала шорох. Повернувшись в сторону звука, Ленка почувствовала, как её сердце стремительно упало куда-то вниз. Она увидела на столе существо с тонкими, как палочки, руками и странно изогнутыми ногами. Существо дёргалось, руки его как будто не могли найти места. Видело ли оно её? Ей казалось, что существо дёргается от нетерпения, что оно как будто жадно ищет жертву, всматривается в темноту, вслушивается, пытаясь распознать, заметить, угадать лю-

бой звук, любое движение. Перестав дышать, Ленка почувствовала как на лбу выступил холодный пот и губы онемели. Она всё повторяла про себя: «Мама, мамочка, – и вдруг, как будто из глубокого колодца на поверхность всплыло, – Господи, Господи, спаси, Господи..». В этот момент комнату осветили фары въехавшей во двор машины. Свет пробежал по потолку, выхватил из темноты стену, стол и снова исчез, но на долю секунды Ленка успела увидеть на столе высохшую орхидею с торчащими из неё сухими стебельками и трепещущую тень узорчатой шторы. Существа на столе не было. То ли его спугнул внезапный свет, то ли движение тени на стене, но, так или иначе, Ленка поняла, что спасти её от твари, выбравшейся из разбитого зеркала, может только свет. Схватив телефон, она трясущимися руками включила режим фонарика и бросилась за диван, к напольной лампе. Жёлтый рассеянный свет залил комнату. В этот миг Ленка пожалела, что опрометчиво велела демонтировать трёхрожковую старомодную люстру. Тусклый свет напольной лампы, раньше казавшийся интимным и расслабляющим, теперь выглядел мрачно и устрашающе, он не мог разогнать темноту, притаившуюся в дальних углах комнаты. Но всё же это был свет. Ленка прилегла на диване рядом с лампой и завернулась в одеяло с головой, но быстро поняла, что – нет, так ещё страшнее. В конце концов, она прижала к себе плюшевого медведя, взяла в руку телефон и продолжала прислушиваться, не отводя глаз от темноты, затаившейся в прихожей.

Постепенно веки её отяжелели, глаза закрылись и Ленка, уронив голову на подлокотник дивана, погрузилась в сон. Спала она неровно, дыхание её то учащалось, то становилось незаметным, она то постанывала, то дёргала во сне рукой. Ей чудилось, что тонкое дёргающееся существо приблизилось к дивану на четвереньках, осторожно вскарабкалось и остановилось, всматриваясь в её лицо нечеловеческим враждебным взглядом, но не было у неё сил ни шевельнуть рукой, ни даже открыть глаза. Существо вытянуло рот трубочкой и нагнулось к её губам. Ленка захрипела, ей как будто не хватало воздуха. Существо напряглось и подалось вперёд. Космический ужас сковал Ленку, всем существом она понимала, что вот сейчас, здесь она и закончится, и не будет больше ни бывшей студентки юрфака, а ныне секретаря судебного заседания, вечно опаздывающего на работу, не будет весёлой подружки, любящей посиделки в кафе и выезды на шашлык.. Не будет больше этой Ленки, а наступит что-то холодное, злобное, склизкое, чуждое и мрачное, чего не постичь, не представить себе человеческому разуму невозможно. Существо засопело, издав какой-то утробный чавкающий звук и начало погружаться в Ленку.. Вдруг воздух взорвался какофонией скрипок и электрогитар, нарастающей, сплетающейся и постепенно образующей плавную мелодию, усиливающуюся с каждой секундой. Ленка с громким всхлипом подорвалась, вскочила, бормоча: «Где, что..» и нашаривая что-то вокруг себя руками. Низкий мужской голос лениво тягу-

че запел откуда-то с пола: «Тише, души на крыше медленно дышат...». Тогда Ленка свесилась с дивана, схватила телефон и сонно прохрипела в него: «Алло!» Мелодия тотчас исчезла как не было, из трубки полился забурлил высокий женский голос и Ленка, зевнув и оглядевшись, увидела, что сквозь штору сочится тусклый утренний свет, а со двора доносится оптимистичная переключка ранних алкашей. Тогда она встала, выключила настольную лампу и сердито прокаркала в телефон: «Ты чего трубку вчера не брала? Малиновская, у меня тут такое! Я чуть не сдохла совсем! Чё сейчас делать, вообще не знаю. Хичкок какой-то!». Трубка разразилась очередными переливами и Ленка выдохнула: «Да ты что! Ты откуда знаешь?». В трубке в этот момент возбуждённый женский голос тархтел: «Да откуда, блин! Соседка ихняя по даче с моей маманей дружит, меня через неё в суд на работу устраивали. Угорела твоя судья! Отравилась угарным газом. Печку они растопили, да, видно, трубу не проверили. А дым ночью в дом пошёл, вот так! Хорошо, дети к экзаменам готовились, на дачу не поехали. Соседка мамане сказала, мол, увезли их обоих на скорой! Отравление угарное..то есть, это..отравление угарным газом, вот! Соседка сказала, может они и вовсе того.. не выживут!..». Малиновская всё бречала и дребезжала, но Ленка её уже не слушала. Перед глазами стояло вчерашнее заседание и бабка с вытянутыми в её сторону руками. «Беса я за вами послала!..Не будет вам покоя!..Смердящие!..Огнём и водой проклиная вас!»

– Алло! Алло! Ты слышишь?

– Малиновская.., – сухими губами прошептала Ленка, – она нас обоих прокляла. Теперь всё сходится, понимаешь?

– Кто?

– Да бабка же! Прямо в зале, в судебном заседании, – и Ленка сбивчиво, медленно, перескакивая с пятого на десятое рассказала обо всех произошедших с ней событиях. И чем больше она рассказывала, тем больше убеждалась, что все её неудачи – это результат проклятия, наложенного на неё сумасшедшей старухой в зале суда, – Вот так. В ванной у меня вонь стоит, как будто там кто-то умер, а бабка ещё орала: «Смердящие!». Ну, вот и пожалуйста, куда уж смердящее. Да ещё тварь какая-то плюгавая мерещится. Не пойму- приснилась она мне или вправду .., – у Ленки перехватило горло и на глазах выступили слёзы, такой она показалась себе одинокой и обиженной.

– Она порчу на вас навела, – горячо зашептала Малиновская, – вот стерва! Точно! Судью чуть в могилу не свела, теперь за тебя принялась!

– Понимаешь, – продолжала Ленка дрожащим голосом, – нас-то она за что? Пусть бы на директора жилконторы и насылала порчу, а мы-то что ей сделали? Мы ж по закону! Закон, он же для всех! – Ленка уже всюю зашла в рыданиях, – Малиновская, миленькая, хоть ты мне скажи, я-то ей чем виновата, что ж мне теперь де-е-лать?

– Да я-то что! Я ж понимаю, сама такая. Разве от нас что

зависит? Попали вы ей под горячую руку, ведьме этой. Ладно, слушай, я знаю, что делать. Тебе надо в церковь идти! Поп квартиру освятит – и все черти разбегутся, точно тебе говорю!

– Да денег у меня нету! Поп же в долг не освятит?

– Блин, – призадумалась Малиновская, – в долг, конечно, нет, не тот случай. У матери возьми!

– Да говорю же, мать только завтра приедет! – шмыгнула носом Ленка, но проклюнувшаяся надежда уже возымела своё действие и в голове потихоньку возникал план, – завтра мать приедет, завтра в церковь пойдём. А сегодня-то что делать? Я тут одна спать не хочу! Приезжай ко мне!

– Ага, чтоб нас обоих съели! Давай, знаешь что? Давай ты к нам. Я матери скажу, мол, у тебя свет пропал. Действительно ж пропал, почти не врём. У нас сейчас уборка, стирка и прочая фигня, а к вечеру подгребай, давай, заночуешь у меня. И матери твоей от меня позвоним.

– Спасибо, Малиновская, – растрогалась Ленка, – у меня шампанское есть, захватить?

– А то! Конечно, хватай! Всё, наберу! – и отключилась.

Ленка облегчённо вздохнула, вытерла рукавом нос и задумалась. Так, ночевать здесь не придётся, уже хорошо. Надо бы пойти слопать что-нибудь, а то ведь и не поела толком вчера. Ещё и помыться неплохо бы. При мысли о тёмной вонючей ванной в животе как будто что-то сжалось, но что делать, надо хоть душ принять, потная вся, в гости ехать

стыдно. Фонарик бы какой.. Телефон! Точно, можно же на телефоне свет включить. Ааа, нет. Батарейки почти на нуле, зарядить надо. Свечки! Где-то в шкафу были церковные свечки, как же она про них забыла! Ленка открыла шкаф и начала пересматривать полки с одеждой. От бабули осталось несколько свечек, вот только бы найти... Ну, вот же! Отлично, четыре свечки. Церковные всё-таки, отгонят, поди, нечистую силу. Жизнь налаживалась. Ленка жадно съела три холодных котлетки прямо из кастрюли, без подогрева. Съела бы и больше, но хотелось побыстрее помыться и свалить отсюда. Остаться в этой квартире дольше необходимого Ленка не собиралась. А до вечера можно и по шоппинг-центру пошляться, шмоточки посмотреть.

Тошнотворная вонь в ванной не исчезла, как хотелось бы надеяться, но висела в воздухе смрадным тяжёлым туманом. За ночь она, похоже, только усилилась. Телефон Ленка в ванную брать не стала, но дверь оставила открытой. Пламя свечи в её руке дрожало и потрескивало. Ленка наклонила свечу, накапала немного воска рядом с умывальником и закрепила в воске свечу. Потом зажгла от первой остальные свечи и пристроила их рядом. Длинные тонкие свечи, мерцая, отражались в зеркале, тени пламени плясали на стенах и на потолке. Что-то во всём этом было жутковатое и у Ленки пробежал холодок по спине. «Сейчас быстренько в душик, рраз, – бормотала Ленка, стягивая с себя одежду и становясь под душ, – раз, два -и назад, раз, два -и назад». Одна из све-

чей, не удержавшись, с мягким стуком упала на пол и погасла, задев рядом стоящую свечу. Та тоже закачалась, затрещала и накренилась. «Нет, нет, нет, нет!» – Ленка подскочила к свечкам, но не успела – и вторая свеча, упав погасла, а третью она сама неуклюже задела рукой и уронила в умывальник. Четвёртая, последняя свечка горела ровным пламенем и вверх от неё уходила тонкая чёрная лента копоти. У Ленки внезапно пересохло во рту. Она отчаянно начала хватать с пола одежду и вдруг услышала сверху не то скрип, не то треск. Ленка подняла голову и завизжала, закрывшись одеждой как щитом. Подвесной потолок в мгновение ока вдруг отделился от стены и в образовавшийся проём хлынул поток мутной зловонной воды, обдав Ленку смрадными струями. Ей показалось, что в этой массе воды она увидела что-то тёмное, склизкое, но больше ей не пришлось ничего рассмотреть – она рухнула без чувств прямо в образовавшуюся вонючую лужу на полу.

...Очнулась Ленка всё на том же диване и испуганно дёрнулась, но голос матери ласково сказал: «Ну, что ты, что ты, дорогая, хорошая моя, ну, что ты». Мать обняла её, закутанную в плед и зачастила тихонько, успокаивающе: «Ленка, девочка моя, маленькая моя, что случилось-то? Ты что ж нас напугала так? В ванной вода, зеркало разбито.. Ты как? Ну, что ж ты..»

– Я испугалась, – Ленка затряслась и зашмыгала носом, вспоминая события в ванной, – эта вода, она как польётся...

там воняло! Мама, там так воняло! Я так испугалась! Мамочка!

– Ну-ну-ну, – мать обняла Ленку, укачивая её, – ну, всё, всё. Сейчас чайку попьём. Витя! – крикнула мать в сторону ванной, – ты где там? Лена очнулась! Чайку нам сделай, Витюш!

Из ванной выглянул коренастый, квадратный дядя Витя и поспешил к жене:

– Я ж воду собираю, девки! К соседям надо идти, залили они тебя, Ленок! Где-то у них там течь в трубах, искать надо. Вообще, сейчас буду в ЖЭК звонить, – решительно махнул рукой дядь Витя, – надо воду перекрыть и течь устранить. Акт осмотра будем составлять. Кто тут виноват – сразу и не скажешь, ЖЭК или соседи, это разбираться надо. Но зафиксировать ущерб – это первым делом, первым делом!

– В смысле, соседи залили? – нахмурила лоб Ленка, – столько воды... всё от соседей что ли?

– А как же! Да оно потихонечку подтекало, а вода в подвесном потолке и скапливалась, наружу не вытекало. Видишь, как мы тебе потолок-то качественно натянули, всё внутри оставалось! Ну, потом-то, конечно, накопилось да потолок и не выдержал веса воды, треснул в месте крепления.

– А свет? – Ленка ошарашенно смотрела на родителей.

– Так проводка-то и вырубилась от воды. Протекало потихоньку по чуть-чуть, вода скапливалась, скапливалась, да и стухла. Вонь-то ты, поди, слышала?

– Да уж, – Ленка задумалась, – а я вас завтра ждала.

– Витин брат позвонил, – затарахтела мать, – машину он где-то ударил, просил Витьку подсобить, починить. Вот мы и с утра-пораньше и собрались. Да хорошо, что раньше уехали! У меня вот, прям, предчувствие было, прям, беспокойно на душе. Думаю, что ж такое...

...Решено было, что Ленка поживёт у матери, пока дядь Витя будет занят разборками с соседями и проведением ремонта. Успокоившаяся Ленка напилась чаю, собрала вещи и с облегчением, хотя и не без досады, приняла необходимость временного переезда к матери. Мать, обеспокоенная Ленкиным здоровьем, старалась дочь не трогать, отдала под Ленкино проживание их собственную с новым мужем спальню и вообще, ходила вокруг дочери на цыпочках, даже по телефону разговаривала вполголоса, прикрываясь рукой. Пользуясь своим привилегированным положением, Ленка полдня провалялась перед телевизором, объелась шоколадом и, исполненная самого радостного облегчения, отправилась спать пораньше.

...Ночью Ленка проснулась от странных шуршащих звуков, сменяющихся бряцанием и бормотанием. Из-под двери выглядывала яркая полоска света. Набросив халат, Ленка пошла на звук и застала мать стоящей на четвереньках в кухне. «Ма-ам? – отреагировала потрясённая Ленка.

– Да вот видишь, доченька, – смущённо и как-то даже виновато мать показала Ленке мокрую тряпку, – встала ночью

водички попить, а тут такое. Трубу прорвало как назло. Я уже Вите позвонила, он сейчас из твоей квартиры придет. Ты ложись, ложись, я тут уберу. Представляешь, десять лет живём в квартире и никогда никаких проблем, а тут- раз! – и на тебе.. Лена? Ты что? Лена! Лена, прекрати! Леночка! Дочка!

Мать бросилась к дочери, пытаясь удержать хохочущую и подвывающую Ленку, сползшую по стене на пол, но та отталкивала её, брыкалась и безостановочно смеялась, смеялась, ударяясь головой о мокрый кафельный пол...